

ЭПОХА ЗАКАТА ИМПЕРИИ

ПОПАДАНКА ПОНЕВОЛЕ

ЛИЛИЯ ТОЛИБОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лилия Толибова

Попаданка поневоле

<https://litres.ru/74050618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кени Линкс знала Атэрис лучше, чем собственную жизнь — ещё бы, ведь она сама помогала придумывать эту империю, её интриги, герцогов, демонов и грядущий конец света.

Но однажды она просыпается внутри недописанной истории — в теле юной аристократки, которой в каноне не существовало.

Теперь Кени — наследница дома Руперт, сестра опасного главы тайной полиции и живая ошибка в сюжете, который уже начал переписываться. Она знает слишком много, умеет очень мало и понятия не имеет, как спасти мир, если даже её первое появление при дворе заканчивается катастрофой.

А впереди — балы, заговоры, магия крови, демоны и апокалипсис, который больше не обязан идти по плану.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. История себя переписала	9
Глава 2. Человек, которого нет	41
Г	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лилия Толибова

Попаданка поневоле

Предисловие

Знаешь, я всегда считала, что есть два типа людей.

Первые — те, кто читает предисловия. Вдумчиво, с чашкой чая, подчёркивая карандашом особо умные мысли автора. Вторые — те, кто пролистывает их не глядя и сразу ныряет в первую главу. Я, если честно, всегда была из вторых. Поэтому если ты сейчас это читаешь — ты уже лучше меня. Поздравляю.

Но я всё-таки напишу. Потому что эта история заслуживает честности с самого начала. Хотя бы чуть-чуть.

Меня зовут Кенни Линкс.

Ну, скажем так — это одно из моих имён. В сети оно прижилось раньше всего остального: под ним я выкладывала музыку, когда думала, что пишу музыку. Под ним же играла в игры, когда думала, что просто играю. А потом, когда мы с соавтором начали писать «Корону из костей и пепла», оно должно было переехать и туда, но я захотела быть собой, снять маску.

Я люблю истории про попаданцев. Всегда любила. Иsekai, манга, манхва, любой жанр, где обычный человек вдруг

оказывается где-то не там — и вынужден разбираться, выживать, становиться кем-то большим, чем он был. Это что-то задевает, понимаешь? Мысль о том, что где-то существует мир, где ты не просто ты — бледная, немного пухлая, с пальцами-сардельками и вечной войной с весом, которую я проигрываю примерно с тринадцати лет, — а кто-то другой. Лучше. Красивее. Увереннее. С длинными пальцами, которые наконец-то умеют играть на фортепиано так, как я хотела в детстве, но так и не научилась — потому что мои неуклюжие пальцы спотыкались о клавиши быстрее, чем я успевала открыть ноты.

Когда мы придумывали Атэрис — нашу империю, — я вложила в неё всё, что любила. Магию. Интриги. Балы, от которых захватывает дух. Дворцы с резными колоннами и залами. Герцогства с историями, законами, тайнами. Демонов на горизонте и императора, который держит мир в кулаке — или думает, что держит. Я прописала каждую деревню, каждый лес, каждую границу. Я знала этот мир лучше, чем свой собственный район. Честно — лучше.

И мне никогда не приходило в голову, что однажды я окажусь внутри.

Если бы меня спросили заранее, какой я хочу видеть себя в другом теле — я бы, наверное, смутилась и сказала что-нибудь вроде «ну, не знаю, что-нибудь небольшое». Но это была бы ложь. Потому что внутри каждого человека сидит очень конкретный список правок к собственной внешности,

который он никому не показывает, но отлично помнит наизусть.

Мой список выглядит примерно так.

Кожу — оставить светлой, это мне нравилось всегда. Но убрать эту жуткую прозрачность, через которую просвечивают все сосуды, как будто я медицинский атлас для студентов первого курса. Пусть будет фарфор — настоящий, ровный. Пальцы — переписать полностью. Длинные, тонкие, с аккуратными ногтями. Такие, которым не стыдно играть Шопена. Ну или хотя бы «Собачий вальс» без позора. Возраст — откатить до шестнадцати. Не потому что двадцать девять — это плохо. А потому что в шестнадцать у тебя ещё нет усталости. Ты злишься — ярко, громко, не умея сдерживаться. Радуетесь — так же. И смотришь на мир не с той тихой настороженностью, которую взрослые называют мудростью, а с той открытостью, которую они уже давно разучились объяснять.

Глаза оставить прежними.

Левый — синий. Им я смотрю, когда думаю, анализирую, строю системы и ищу логику там, где её, может, никогда и не было.

Правый — другой. На половину — синий, на половину — карий. Потому что есть вторая я — та, которая в три ночи рыдает над персонажами, которых сама же убила. Та, которая верит в магию чуть крепче, чем следовало бы взрослой женщине. Та, которая написала целую империю — и влюби-

лась в неё раньше, чем успела дописать.

Пусть оба живут. Они не спорят. Просто смотрят — каждый своим.

Атэрис — не случайный выбор.

Это магия и средневековье — горький чай, бархатные занавески и кинжал под подушкой. Мир, где власть пахнет воском от свечей и старыми договорами, где на балу решают судьбы тише, чем на поле боя, и где конец света приходит не с войском, а с одним-единственным именем, произнесённым не вовремя.

Я выбрала этот мир, потому что придумала его сама. От первого камня в основании столицы до последнего закона в своде герцогских прав. Я знаю, где у него болит. Знаю, где он трещит по швам. Знаю, что впереди — апокалипсис, и знаю, что его можно остановить. Теоретически.

Практически — это уже другой вопрос.

Плана у меня нет.

Это, пожалуй, самое честное, что я могу сказать про начало этой истории. Я не рождалась в Атерисе. Я туда упала — внезапно, шумно и, как обычно, крайне неловко. Прямо в середину сюжета, который не дописан, в тело персонажа, которого никогда не существовало, в мир, который вот-вот начнёт разворачиваться к своей самой тёмной странице.

Веста жива. Бал дебютанток ещё впереди. Беатрис ещё не сделала то, что должна сделать — или не должна, это как посмотреть. Король демонов ещё молчит. Пока.

И я — я стою посреди всего этого с одной-единственной мыслью в голове: «я написала эту историю, но я понятия не имею, чем она закончится.»

Потому что мы её не дописали.

Потому что теперь её дописываю я — изнутри.

И если империя Атэрис сгорит — она сгорит вместе со мной.

Так что у меня есть веская причина постараться.

Добро пожаловать в мою историю. Я сама только что в неё въехала — в прямом смысле слова. Пристегнитесь.

— **Кенни Линкс Руперт**, наследница герцогства Руперт, попаданка поневоле, автор собственного апокалипсиса

Глава 1. История себя переписала

1 июля 1216 года

Если бы кто-нибудь заранее сказал мне, что мой первый официальный въезд в императорский дворец закончится тем, что я окажусь по пояс в фонтане, прижатая к мраморному бедру статуи первого императора, а мой старший брат будет стоять рядом — мокрый, злой и с выражением лица человека, который уже мысленно составляет список моих посмертных титулов и раздумывает, какой из них будет наиболее унижительным, — я бы наверное, поверила.

Потому что, если уж жизнь решила превратить меня в попаданку, она явно не читала инструкцию по изяществу.

— Кени, — произнёс Терренс Руперт голосом ледяного арктического ветра, который лично обиделся на глобальное потепление.

Вода стекала с его тёмных волос по вискам, за воротник, по идеально чёрному камзолу, который ещё минуту назад выглядел так, будто стоил больше, чем вся моя прошлая жизнь вместе взятая — ноутбук, синтезатор, неоплаченные доставки еды и нереализованные амбиции включительно.

Теперь камзол прилип к нему, как мокрая тряпка к оскорблённому аристократу.

Что, в принципе, именно так и выглядело.

— Да? — пискнула я.

Из всего богатства великого и могучего — «да». Bravo.
— Объясни.

Я попыталась пошевелиться. Не вышло. Юбка дорожно-го платья, мокрая и тяжёлая, обмоталась вокруг ног, как щупальца болотного монстра, который прошёл курсы пассивной агрессии. Правой рукой я держалась за статую, левой — за край фонтана. Под пальцами скользил мрамор, под ногами было что-то подозрительно гладкое, а из-за моей спины торчала голова каменного орла с видом существа, которое за две тысячи лет стояния в воде уже видело всякое, но такого — ещё точно нет.

Нет, не настоящего орла. Слава всем богам Атэриса. Пока ещё не настоящего.

— Тут сложная ситуация, — сказала я с таким достоинством, какое только возможно в положении «по пояс в фонтане».

Терренс медленно закрыл глаза.

Это было не «я устал». Это было «я сейчас обдумываю, как стать сиротой по собственному желанию, причём чтобы это выглядело естественно».

— Сложная, — повторил он. — Да. — Кени. — Да? — Мы въехали в императорский фонтан. — Технически, — осторожно поправила я, — не въехали. Нас внесло. Это пассивный залог. Ответственность размыта.

Он открыл глаза.

Если бы взгляд мог резать, я бы уже состояла из аккурат-

ных тонких ломтиков, завернутых в фамильный герб.

— Нас внесло в фонтан на родовой карете дома Руперт. На карете, которая по всем законам магии подчиняется только прямому наследнику.

Я кивнула.

— Да. Вот именно. Тут есть нюанс.— Нюанс, — повторил он тоном человека, для которого слово «нюанс» отныне является личным оскорблением.— Она решила, что прямых наследников двое.

Терренс очень медленно повернул голову к тому, что ещё недавно было каретой. С таким видом, будто надеялся, что она исчезнет, если смотреть достаточно долго. Карета не исчезала. Карета стояла в центре императорского двора — точнее, стояла наполовину. Передние колёса были в фонтане. Задние — на парадной мраморной плитке. Две чёрные лошади, сотканые из теней, обиженно фыркали клубами дыма и косились то на Терренса, то на меня с таким видом, будто мы вдвоём только что разрушили их безупречную профессиональную репутацию, которую они выстраивали веками.

На дверце кареты сиял герб Рупертов — волчья голова в профиль.

И сейчас у волка было две тени.

Одна тянулась к Терренсу.

Вторая — ко мне.

Вокруг нас стояла императорская стража, дворцовые слуги, несколько придворных, два святых рыцаря и, кажется,

один садовник, который держал в руках ножницы для роз и выглядел так, будто стоял перед экзистенциальным выбором: перекреститься или немедленно уйти в монастырь, где подобные вещи не случаются с нормальными людьми.

На верхней ступени дворцовой лестницы стоял принц Александр Конрад.

Он смотрел на нас.

Потом на карету.

Потом снова на нас.

И, к его чести, держался почти минуту. Целую минуту. Шестьдесят прекрасных секунд самоконтроля.

Почти.

Потому что потом наследный принц Империи согнулся пополам и заржал так, что один из святых рыцарей испуганно дёрнулся к мечу — на случай, если это была атака неведомой магией смеха.

— Простите, — выдавил Александр, героически пытаюсь выпрямиться. — Простите. Я я просто Руперт фонтан лошади

Терренс медленно повернул к нему голову с таким достоинством, что, казалось, вода сама смутилась и попыталась стечь тише.

— Ваше высочество.

Александр резко закашлялся в кулак с видом человека, который проиграл финальную битву с собственным смехом, но намерен умереть стоя.

— Да. Конечно. Очень серьезная ситуация, — сообщил он голосом, в котором «серьезная» было явно самым большим преувеличением дня.

Я осторожно подняла руку.

— Можно я уточню?

Все посмотрели на меня.

Абсолютно все.

Это было крайне неприятно. Особенно учитывая, что я сидела в фонтане, мокрая, с прилипшими ко лбу прядями, с одной туфлей и с видом человека, только что провалившего собственное торжественное появление в истории.

Вторая туфля, кажется, уже покинула сюжет добровольно и без объяснений.

— Уточняй, — разрешил Терренс голосом ледяного сфинкса.— У вас тут родовые артефакты часто ломают законы мироздания? Или это я так удачно дебютировала?

Наступила тишина.

Не просто тишина. Та особая дворцовая тишина, в которой можно услышать, как у ближайшего придворного со звоном ломается картина мира, и звук этот похож на бой часов, отсчитывающих конец чьей-то карьеры.

Терренс смотрел на меня.

Александр смотрел на меня.

Стража смотрела на меня.

Теневые лошади смотрели на меня. С профессиональным укором.

Потом одна из них тихо фыркнула — и из её ноздрей вылетела чёрная дымная бабочка. Она сделала круг над фонтаном, как маленький вестник хаоса, приземлилась мне на нос и растворилась с таким видом, будто выполнила миссию, смысл которой знала только она.

— Это нормально? — спросила я.— Нет, — сказал Терренс.— Совсем?— Совсем.— Поняла. Принято.

В этот момент одна из мраморных статуй вокруг фонтана — изображавшая первого императора с мечом — повернула голову.

Медленно. С каменным скрипом. Без спешки, потому что у того, кто стоит в мраморе пятьсот лет, другое отношение ко времени.

Я медленно повернула голову вслед за всеми.

Статуя посмотрела на меня пустыми каменными глазами. Потом на Терренса. Потом снова на меня — с видом того, кто наконец дождался своего выхода.

И сказала голосом, похожим на скрип саркофага:

— Двое наследников Тени. Закон нарушен. Род признал невозможное.

После чего мраморный император чихнул.

С достоинством.

Из его носа вылетела струйка чёрной пыли.

Садовник упал в обморок — тихо, культурно, как будто даже это он сделал по этикету.

Один святой рыцарь прошептал:

— Боги

Другой, судя по лицу, начал мысленно переосмысливать своё место в мироздании.

Александр опять начал смеяться. С новой силой.

Терренс закрыл лицо рукой. Обеими. На случай, если одной окажется недостаточно.

Я осторожно отпустила статую, попыталась встать, поскользнулась, снова плюхнулась в воду, подняв вторичный фонтан, уже совсем неприличный, и, совершенно потеряв силы сражаться с реальностью на её же территории, сказала:

— Как я докатилась до жизни такой? Хотите узнать как?

Очень жаль.

Я всё равно расскажу.

Потому что именно так устроен человек — или, в моём случае, попаданка — в момент, когда объяснять уже бессмысленно, зато терять нечего.

А за три дня до того, как родовая магия Рупертов в порыве демократического энтузиазма решила переписать законы наследования, я проснулась в чужой спальне, в чужом теле и с абсолютно чужой проблемой.

А именно — я оказалась в мире собственной недописанной книги.

И, что особенно приятно, в теле персонажа, которого в этой книге вообще не существовало.

Вселенная не просто пошутила. Вселенная написала панчлайн и сама над ним засмеялась.

* * *

Первое, что я почувствовала, когда очнулась, — боль в висках.

Не драматичную, красивую боль героини, которая приходит в себя после судьбоносного магического ритуала под торжественную музыку. А обычную, мерзкую, абсолютно бытовую боль человека, который либо ударился головой обо что-то твёрдое, либо вчера выпил нечто, что категорически не заслуживало быть выпитым.

Второе — одеяло.

Очень тяжёлое. Чересчур мягкое. Неприлично дорогое. Одеяло, которое явно никогда в жизни не видело маркетплейса и гордилось этим.

Я открыла глаза.

Надо мной был балдахин.

Настоящий. Не «у меня над кроватью висит тканюшка из интернет-магазина со скидкой», а огромный, резной, с тёмно-синим бархатом, серебряной вышивкой и кистями, которые выглядели так, будто каждая из них в отдельности могла оплатить мою ипотеку. Если бы у меня была ипотека. Если бы у меня было что ипотечить.

Я моргнула.

Потом ещё раз.

Потолок не исчез. Очень нелюбезно с его стороны.

— Так, — сказала я вслух.

Голос был не мой. Моложе. Выше. Звонче.

Я застыла.

Потом медленно подняла руку.

Рука тоже была не моя. Тонкая. Светлая. С длинными пальцами. Аккуратные ногти. Запястье узкое, почти хрупкое. На среднем пальце — кольцо с чёрным камнем, внутри которого двигалась тонкая серебристая дымка.

Я смотрела на эту руку очень долго.

Дольше, чем стоило бы.

Потом пошевелила пальцами.

Они послушно шевельнулись.

Предатели.

— О нет, — сказала я.

И резко села. Потому что когда жизнь показывает тебе чужую руку, иногда лучше смотреть на неё стоя. Или хотя бы сидя. Комната качнулась, как корабль в шторм. Я схватилась за край кровати, переждала головокружение с достоинством человека, который притворяется, что так и задумывал, и огляделась.

Спальня была огромной.

Не «большая комната», а именно огромная — той монументальной огромностью, которая говорит: здесь живут люди, для которых понятие «личное пространство» давно вышло на пенсию. Тёмные стены, резные панели, тяжёлые шторы, письменный стол у окна, шкафы, камин, несколько кресел, книжные полки. Всё выдержано в чёрном, серебряном и тёмно-сером.

Мрачно.

Дорого.

Очень узнаваемо.

С тошнотворно личной точки зрения.

Потому что я сама когда-то описывала интерьеры герцогства Руперт как «эстетику благородного траура, который решил, что ему мало просто скорбеть — нужно ещё и угрожать».

Это была моя фраза. Из моего черновика. Не помню точно, из какой главы, но и не суть.

Я медленно повернула голову к окну.

За окном был сад — строгий, геометрический, с тёмными кипарисами и белыми дорожками, словно сам не мог решить, клумба он или кладбище. Над ним висело серое небо. Вдалеке возвышалась башня из чёрного камня с серебряным шпилем.

Я знала эту башню.

Башня Теневого Архива. Резиденция дома Руперт.

— Нет.

Комната молчала с олимпийским спокойствием.

— Нет-нет-нет. Нет, потому что это физически, онтологически, метафизически невозможно.

И тут дверь открылась.

В комнату вошла женщина лет сорока пяти — строгая, высокая, в чёрном платье с серебряной цепью на поясе. Волосы убраны в идеальный пучок. Лицо такое, каким в старых

сказках пугали детей, которые и так уже боялись темноты.

Она увидела, что я сижу на кровати, и слегка склонила голову.

— Доброе утро, леди Кени Линкс.

Я застыла.

Не потому, что она меня так назвала.

А потому, что я узнала имя.

Кени Линкс.

Моё интернет-имя. Моё авторское имя. Моё имя-маска, псевдоним, под которым я публиковала песни, написанные в ночи, и отвечала на комментарии, которые требовали хэппи-энда, пока я методично убивала их надежды.

Имя, которое я собиралась когда-нибудь отдать персонажу. Но не отдала. Потому что никакой Кени Линкс в книге не было.

У Терренса Руперта не было сестры.

Он был единственным наследником.

Единственным.

Я знала это совершенно точно. Я написала это сама. В трёх местах. С уточнениями.

— Леди Кени? — женщина нахмурилась. — Вам нехорошо? — Мне — Я сглотнула. — Мне прекрасно.

Ложь была настолько далека от правды, что правда даже не обиделась — просто отвернулась.

Женщина подошла ближе.

— Вы бледны. — Я всегда бледная, — автоматически от-

ветила я своим любимым аргументом из прошлой жизни.

Она моргнула.

— Простите?— Прощаю.— Что?— Ничего. Просто утро.

— Уже почти полдень, миледи.

Я медленно повернула голову к ней.

— Почти что?— Полдень, — повторила она осторожно.

— Вы проспали завтрак. Герцогиня приказала вас не будить.

После вчерашнего приступа— Приступа?

Женщина замолчала.

И это молчание вышло неестественно длинным. Таким молчанием, которое само по себе является ответом.

— Какого приступа?— Вы потеряли сознание в малой галерее, миледи. Врачи сказали, что это нервное истощение. Вы несколько дней почти не ели.

Я посмотрела на свои тонкие руки.

Прекрасно. Я попала в чужое тело, которое уже успело устроить внутренний кризис до моего прибытия. Любезно. Хоть что-то сделано заранее.

— Как вас зовут? — спросила я.

Женщина чуть напряглась — совсем немного, как опытный человек, который замечает странное, но пока не знает, как его классифицировать.

— Марта, миледи. Ваша старшая камеристка.

Марта. Отлично. Этого персонажа я тоже не писала.

Значит, мир не просто вставил меня в сюжет. Он достроил вокруг меня обслуживающий персонал, комнату, биографию.

фию, нервный срыв и, скорее всего, гардероб. Полную комплектацию. Добро пожаловать.

Я осторожно спросила:

— Марта, какой сегодня день?— Двадцать восьмое июня, миледи. 1216 год Эры Могущества.

У меня пересохло во рту.

Двадцать восьмое июня.

То есть Веста уже сбежала из замка. Или вот-вот сбежит.

Терренс уже вляпался в историю с Эккардами.

А до бала дебютанток — чуть больше двух недель.

Я зажмурилась. Потому что иногда это помогает. Это не помогло.

Марта испуганно шагнула ко мне.

— Миледи?— Воды, — попросила я.

Она быстро налила воду в хрустальный стакан — красивый, тонкий, явно ещё один предмет интерьера, который мог оплачивать ипотеку.

Я взяла.

И чуть не уронила, потому что пальцы были слишком длинные, непривычно чужие в своей элегантности.

Вот оно.

Мечта идиотки сбылась: красивые пальцы, а пользоваться ими не умею.

Обхватила стакан двумя руками, как кружку с утренним кофе в холодный понедельник, и выпила почти залпом.

Марта смотрела с таким видом, будто я на её глазах съела

фамильный герб с гарниром.

— Миледи— Что?— Стакан

Я посмотрела на стакан.

— А что с ним?— Его не держат так.

Медленно поставила стакан на тумбочку.

— Марта.— Да, миледи?— С сегодняшнего дня я буду делать много вещей неправильно.

Она побледнела.

— Миледи?— Это не угроза. Это предупреждение. Считайте его профессиональной честностью.

Марта молча перекрестилась по-соларовски.

Я решила, что начинать новую жизнь с религиозного кризиса у камеристки — недостаточно продуктивно.

Хотя, если честно, никакого другого плана у меня не было вообще.

* * *

Зеркало нашлось в соседней комнате.

Большое. В полный рост. В серебряной раме с таким видом, будто знало о себе всё.

Я остановилась перед ним.

И некоторое время просто смотрела.

Из зеркала на меня смотрела девушка лет шестнадцати.

Светлая кожа — именно та, что я когда-то вписала в список желаний: не болезненно-прозрачная, а ровная, фарфоровая. Волосы золотисто-русые, длинные, до талии, чуть волнистые. Лицо тонкое, с острым подбородком, прямым носом

и губами, которые выглядели так, будто умели язвить ещё до того, как я в них поселилась, и уже успели поднатореть.

А глаза

Я подошла ближе.

Левый — синий.

Правый — наполовину синий, наполовину карий.

Я резко выдохнула.

Это были мои глаза.

Не совсем мои — красивее, ярче, будто кто-то взял оригинал и пропустил через фильтр «главная героиня тёмного фэнтези с судьбой и проблемами». Но идея была моя. Та самая. Мой странный, любимый, неправильный взгляд — один глаз всегда немного другой, как будто два разных человека смотрят из одного лица.

Я протянула руку и коснулась зеркала.

— Ну здравствуй, авторская ошибка, — прошептала я своему отражению.

Отражение ничего не ответило.

И тут в дверь постучали.

Не как Марта — не осторожно, не деликатно, не с вопросом. Три коротких, чётких удара. Такой стук не спрашивает, войти ли, — он уведомляет, что уже входит.

Марта за моей спиной тут же вытянулась.

— Лорд Терренс.

Я обернулась так резко, что едва не запуталась в собственных волосах.

— Кто?

Дверь открылась.

Вошёл Терренс Руперт.

Живой.

Младше, чем я представляла, но именно такой, каким мы с соавтором его прописывали до последней запятой. Высокий, худощавый, с тёмными волосами до плеч, бледным лицом и серыми глазами, холодными до такой степени, что рядом хотелось надеть что-нибудь тёплое. Одет в чёрное.

Он остановился у двери и посмотрел на меня.

Не удивлённо. Не тепло. Не враждебно.

Как смотрят на улику. Внимательно. Без эмоций. С намерением разобраться.

— Ты проснулась, — сказал он. — Очевидно, — ответила я. Автоматически. Раньше, чем успела подумать.

Марта за моей спиной издала звук умирающей мыши в формате «пианиссимо».

Терренс чуть приподнял бровь. Чуть — это по его меркам целый спектакль.

— Вижу, приступ повлиял на манеры. — Да, — сказала я. — Теперь они мертвы. Их отпели и похоронили.

Марта тихо ахнула, наблюдая за тем, как я добровольно засовываю руку в огонь.

Терренс посмотрел на неё.

— Оставь нас. — Но, милорд — Марта, — произнёс он негромко и очень спокойно.

Она побледнела ещё на один оттенок — кажется, её запас оттенков подходил к пределу — и исчезла за дверью так стремительно, будто сама владела магией телепортации.

Мы остались вдвоём.

Терренс несколько секунд молчал, изучая меня с тем профессиональным вниманием, которое бывает у людей, привыкших к тому, что окружающие регулярно им лгут.

Я тоже молчала.

Потому что — вот он. Мой персонаж. Человек, которого я создавала месяцами: подозрительного, язвительного, опасного и при этом настолько одинокого, что хотелось его обнять, но он, прежде чем позволить это, наверное, сначала проверил бы тебя на яды, пересмотрел список мотивов и запросил три рекомендации.

И теперь он стоял передо мной как мой брат.

Мой брат.

У которого, согласно канону, сестры быть не должно.

— Что ты помнишь? — спросил он.

Я могла соврать. Сказать: «Всё». Но Терренс был не тем человеком, которому можно врать без подготовки, — он почувствовал бы ложь раньше, чем она успела бы устроиться поудобнее.

Поэтому я выбрала частичную правду. Старый добрый инструмент.

— Немного.

Он неспешно сделал шаг навстречу мне.

— Что именно?— Имя. Дом. Тебя. Марту. Некоторое общее.— Общее, — повторил он.— Да.— Например?

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты мой брат.

Он замер.

Очень тонко. Почти незаметно. Почти — но я видела, потому что знала, как он двигается. Знала его маски. Знала, что их несколько и что каждая надета поверх предыдущей. И знала, что сейчас одна из них дала микротрещину — тонкую, как волосок, но вполне реальную.

— Да, — сказал он после паузы. — Я твой брат.

Не «старший». Не «единственный близкий человек». Не «тот, кто тебя терпит».

Просто факт. Сухой. Осторожный. Точный.

И почему-то именно от этой сухости у меня сжалось сердце. Потому что я написала этого человека одиноким, а он даже подтверждал родство так, будто любая теплота была роскошью, которую нужно экономить.

— И я, судя по всему, регулярно доставляю тебе проблемы, — сказала я.

— Обычно, — ответил он почти нежно.

Если измерять нежность по шкале Терренса Руперта, где ноль — это подвал и молчание, а десять — это он не угрожает тебе в первую же минуту разговора.

— Что произошло вчера? — спросила я.

Он коротко помолчал.

— Ты вошла в малую галерею, увидела родовой портрет прадеда, сказала: «А почему у него лицо как у налогового инспектора с запором?» — и упала в обморок.

Я закрыла глаза.

— О боже.— Какого именно?

Я открыла глаза.

Терренс смотрел совершенно серьёзно.

Я не выдержала и засмеялась. Не красиво, не мелодично — нервно, с хрипотцой, как человек, который понял, что мир сошёл с ума, но у мира хотя бы чувство юмора в порядке, и за это отдельное спасибо.

Терренс молча ждал.

Когда я наконец успокоилась, он произнёс:

— Мать хочет тебя видеть.

Мне сразу стало не смешно. Быстро и окончательно.

Моргана Руперт.

Герцогиня Теневых Пределов.

Женщина, которая могла одним взглядом заставить дво-
рянина вспомнить все свои преступления — включая те, ко-
торые он ещё только планировал.

Мы с соавтором писали её как одну из самых опасных женщин Империи. Не опасных в смысле «держит яды», хотя, возможно, и это. Опасных в смысле «видит тебя насквозь и молчит об этом, пока не решит, что тишина ей больше не выгодна».

А теперь она была моей матерью.

— Прямо сейчас? — спросила я. — После того, как тебя оденут.

Я посмотрела на себя. Ночная сорочка, распущенные волосы, лицо человека, которому только что вручили роль в спектакле без репетиций, текста и базового понимания жанра.

— А если я скажу, что не готова? — Она скажет, что это не имеет значения. — Логично. — Кени.

Я подняла взгляд.

Терренс смотрел иначе. Всё ещё холодно.

— Что бы ни случилось — не спорь с ней сегодня. Просто слушай. Отвечай коротко. Не шути.

Я нервно улыбнулась.

— То есть запретить мне всё, что я умею, и посмотреть, что останется? — Именно. — Прекрасная стратегия.

Он повернулся к двери, но остановился.

— И ещё. — Что? — Если ты действительно что-то не помнишь — скажи мне. Не ей.

Сказано сухо. Почти без интонации. Как инструкция по безопасности, а не как забота.

Но смысл был очевиден.

Он не доверял мне.

Но был готов прикрыть.

Это было, наверное, самое сложное для понимания сочетание из всех возможных. И самое — хотя он бы ни за что не согласился с этим словом — человеческое.

Я сглотнула.

— Хорошо.

Терренс кивнул и вышел.

А я осталась стоять перед зеркалом, в теле Кени Линкс Руперт, сестры человека, у которого по всем законам моего же мира сестры быть не могло.

И поняла главное.

Я не просто попала в Атэрис.

Я уже изменила канон.

Своим существованием.

До того, как успела что-либо сделать.

Это было одновременно страшно и, если совсем честно, немного лестно.

* * *

Марта вернулась через пять минут с отрядом горничных — организованным, сосредоточенным, с таким видом, будто они шли выполнять государственную задачу.

И началась первая попытка.

Платье.

Раньше я, как автор, очень любила описывать платья. С удовольствием, со вкусом, с деталями. Бархат. Шёлк. Корсеты. Вышивка серебром. Юбки, струящиеся, как вода. Образ, эстетика, красота, которую создаёшь из ничего, кроме слов.

Теперь я хочу официально, публично и со всей искренностью извиниться перед каждой своей героиней.

Корсет — это не одежда.

Это архитектурное решение с политическим подтекстом против ваших внутренних органов.

— Потерпите, миледи, — сказала Марта, затягивая шнуровку с профессиональным хладнокровием.— Я уже терплю, — сообщила я.— Ещё немного.— Марта, если ещё немного, моя печень эмигрирует в соседнее герцогство и подаст на политическое убежище.

Одна из младших горничных фыркнула. Коротко. Непроизвольно. И немедленно пожалела об этом.

Марта посмотрела на неё — тихо, без слов, одним взглядом, который сказал всё необходимое.

Фыркание умерло молодым, не оставив наследников.

— Леди Кени, — строго произнесла Марта, — благородные девушки не говорят о печени.— А она о нас говорит?— Что?— Ничего. Продолжайте, пожалуйста.

Платье выбрали тёмно-серое, с серебряной вышивкой — красивое до невозможности и неудобное до состояния, которое в прошлой жизни я бы назвала уголовно наказуемым. Волосы собрали в причёску, именуемую, по словам Марты, «полуофициальной утренней укладкой». По моим ощущениям — «черепная конструкция класса В с претензией».

Когда меня наконец поставили перед зеркалом, я выглядела прекрасно.

Чуждо.

Но прекрасно.

Что-то примерно между «парадный портрет» и «человек,

который не понимает, почему все части тела сейчас находятся именно там».

— Идёмте, миледи, — сказала Марта. — Герцогиня ждёт.

Мне захотелось лечь обратно в кровать, укутаться в это возмутительно роскошное одеяло и сообщить всем, что попанданчество отменяется по техническим причинам, перенос — на неопределённый срок.

Но я пошла.

* * *

Моргана Руперт сидела в кабинете.

Точнее — не просто сидела. Она занимала пространство полностью, без переговоров, с ощущением, что любой другой вариант был бы нелогичен.

Высокая женщина с серебристыми волосами в низком узле. Лицо красивое, строгое, почти без возраста — из тех лиц, которые не стареют, потому что возраст счёл за лучшее держаться на почтительном расстоянии. Глаза — серые, как у Терренса, но иначе. У Терренса они были холодными. У неё — точными.

На столе перед ней лежали бумаги. Письма. Карты. Печати. Свидетельства активной управленческой деятельности человека, у которого нет времени на праздные беседы, но который найдёт время, если понадобится.

Когда я вошла, она не подняла голову сразу.

Сначала дописала строку. Поставила точку. Посыпала чернила песком. Дала им высохнуть. Убедилась в результате.

И только потом посмотрела на меня.

— Кени.

Я присела в реверансе.

Ну, попыталась. Колени дрогнули, корсет перераспределил мои рёбра по новой схеме, и я застыла где-то посередине между «изящный поклон» и «сейчас я упаду лицом в ковёр, и это будет не так элегантно, как хотелось бы».

Моргана наблюдала.

Терренс, стоявший у стены, тоже наблюдал.

Я выпрямилась, сделав вид, что так и задумывала.

— Матушка, — сказала я.

Слово вышло странно. Не моё. Не её. Но правильное для этой роли — как реплика в спектакле, текст которого кто-то другой написал ещё до моего рождения. Этого рождения.

Моргана указала на кресло.

— Садись.

Я села. Аккуратно. Не как имперская леди и не как человек в здравом уме, а как кто-то, кто боится, что платье взорвётся при неосторожном движении.

Моргана смотрела долго. Так, как смотрят, когда оценивают не внешность, а то, что за ней.

— Терренс говорит, ты многое не помнишь.

Медленно повернула голову к брату.

Он стоял у стены. Невозмутимый. Прямой. Ни единого признака вины на лице.

Предатель, — сообщил мой внутренний голос. Элегант-

ный, хладнокровный предатель.

— Не всё, — сказала я вслух. — Обрывки.— Врачи считают, что это следствие истощения.— Врачи оптимисты, — сказала я.

Моргана приподняла бровь.

Терренс за её спиной закрыл глаза. Очень терпеливо.

Я осознала, что прошло меньше тридцати секунд, а инструкция «не шути» уже официально нарушена.

— Простите, — быстро добавила я. — Я хотела сказать, что надеюсь на полное восстановление.

Моргана изучала меня. Без спешки. С профессиональным вниманием, которое хуже любого допроса, — потому что допрос хотя бы объявляет о своих намерениях.

— Твой язык стал острее, — заметила она наконец.— Возможно, ударились не тем местом.

За спиной Морган Терренс издал звук, очень похожий на тщательно сдержанный кашель.

Моргана вдруг улыбнулась.

Едва. Краешком. На секунду — но это была улыбка, а не её имитация.

— Любопытно.

И вот тут мне стало по-настоящему неудобно.

Потому что когда опасная женщина говорит «любопытно», это никогда — никогда — не является признаком того, что всё в порядке. Это значит, что тебя уже мысленно разобрали на части, изучили, сложили обратно и решили, что ты

можешь пригодиться в каком-то пока не объявленном качестве.

— Ты помнишь, зачем мы направляемся в столицу? — спросила она.

Столица. Люминар. Совет. Виверна. Веста. Бал.

Я осторожно ответила:

— Из-за расследования. И совета. И приближающегося бала дебютанток.— Верно.

Моргана отложила перо — с таким видом, будто закрыла одну главу и открыла следующую.

— Император подозревает дома в нелояльности. Руперты под особым вниманием. Терренс должен был уже быть в Эккарде, проводить расследование, но из-за твоего обморока пришлось отказать Императору. Поэтому ты поедешь со мной в Люминар. Будешь представлена при дворе.

Внутри меня всё похолодело — медленно, планомерно, как зима.

При дворе.

Рядом с Беатрис.

Рядом с Вестой.

Рядом с сюжетом, который я написала и который теперь существовал без моего редакторского контроля. Стоп. Терренс не поехал в Эккард? Как? Это же была важная точка для сюжета: там он должен был познакомиться с Вестой. Вследствие этого знакомства они должны были немного сблизиться, он — укоротить шипы и заинтересоваться Вестой, а она

— разглядеть в нём союзника, который сильно поможет ей при апокалипсисе. Твою ж мать. Я буквально ощущаю, как весь сюжет пошёл по одному месту.

— Я? — переспросила я.— Да.— Но я после приступа— Именно поэтому. Твоё отсутствие вызовет вопросы. Вопросы сейчас нам не нужны.

Разумеется. Политика. Видимость. Дом Руперт не демонстрирует слабость. Даже если слабость — это попаданка, которая вчера назвала прадеда налоговым инспектором и упала в обморок от собственной дерзости.

— Понимаю, — сказала я.— Нет, — спокойно ответила Моргана. — Пока не понимаешь. Но поймёшь — и быстрее, чем тебе кажется.

Она взяла один из документов и протянула мне. Лист был исписан мелким почерком — очень мелким, убористым, с плотными строками. Родовые протоколы поведения при дворе. Кому кланяться. Кому улыбаться. Кому не смотреть в глаза. С кем никогда не оставаться наедине. Целый кодекс выживания в элегантном переплёте.

Моё внутреннее «я», которое в прошлой жизни прокручивало пользовательские соглашения не читая, тихо заплакало.

— Разумеется, — сказала я вслух.— И ещё, Кени.

Я подняла взгляд.

Моргана смотрела прямо — без украшений, без предисловий.

— Твоё существование — политический факт. Не подарок. Не слабость. Не украшение. Факт. И если этот факт начнёт вести себя непредсказуемо — его будут пытаться использовать. Все. По очереди и одновременно.

Я сглотнула.

— Я понимаю.— Нет, — повторила она третий раз — спокойно, без раздражения. — Но скоро начнёшь.

Она кивнула Терренсу.

— Проследи, чтобы сестра добралась до столицы без новых обмороков.— Слушаюсь, матушка.

Сестра.

Он сказал это ровно. Без интонации. Как факт.

Но внутри меня что-то дрогнуло.

Потому что для этого мира я уже была кем-то. Не пустым местом. Не человеком за экраном. Не автором, который придумал Атэрис в три ночи под кофе и дедлайн.

А Кени Линкс Руперт.

Сестрой Терренса.

Дочерью Морганы.

Переменной, которую никто не вводил в уравнение, но которая уже изменила его решение.

* * *

Следующие два дня прошли в тумане, который назывался «образование».

Меня не просто учили. Меня вбивали в двор — методично, системно, с той же любовью, с которой садовники вбива-

ют колья для роз: не жестоко, но без сантиментов.

Кто такой граф Альтерин и почему ему нельзя обещать встречу. Почему герцогиня Бромт улыбается только тем, кого считает полезными, и что это означает, если она улыбнулась тебе. Почему при Кассиане нельзя произносить слово «мятеж» без немедленных последствий для своей биографии. Почему про Императрицу Беатрис нужно говорить уважительно, но не восторженно — потому что восторг она расценивает как попытку задобрить, а задабривают только те, кому есть что скрывать.

Последнее меня особенно напрягло.

Потому что я знала Беатрис. Не лично — как автор. Я знала её боль. Её ложь. Её план. Знала, зачем она устраивает бал и чем он закончится. Знала, что она не просто злодейка, — и что именно это делало её по-настоящему опасной.

Картонного злодея легко ненавидеть. Беатрис была раной, которая научилась носить платья, улыбаться нужным людям и планировать на три хода вперёд.

И теперь мне предстояло с ней встретиться.

Весте — тоже.

Рэйчел появится. Касиэль ещё в клетке. Аукцион восьмого. Бал пятнадцатого.

Я знала точки на карте.

Но не знала, как они теперь соединятся, потому что моё существование уже сломало две фундаментальные вещи. Наследование Рупертов: я была второй наследницей в мире, где

должен был быть только один наследник. И Терренс не обвинил Весту ложно в заговоре.

И утром первого июля, когда родовая карета въезжала в ворота императорского дворца, я в полной мере осознала, насколько это серьёзно.

* * *

Карета управлялась теневой магией крови. Подчинялась прямому наследнику. По канону — только Терренсу.

Мы ехали молча. Терренс просматривал документы. Я пыталась не думать о том, что через несколько минут увижу дворец, где Беатрис строит планы, Кассиан параноит, Александр влюбляется, а у меня нет ни одного нормального плана, кроме «не умереть и по возможности не навредить сюжету больше, чем уже успела».

Карета замедлилась у ворот. Стража проверила документы.

Терренс коротко сказал:

— Во двор.

Карета двинулась. И тут впереди я увидела огромный мраморный фонтан — белый, нарядный, явно рассчитанный на то, чтобы производить впечатление, а не служить парковочным местом для родовых экипажей.

И я, совершенно непроизвольно, вполголоса прошептала:

— Только бы не в него.

Карета услышала.

Точнее — родовая магия услышала. Оба голоса. Оба при-

каза.

Терренс: «Во двор».

Я: «Не в фонтан».

Магия, видимо, восприняла наличие двух источников команд как демократическую процедуру и решила выполнить оба условия одновременно — с логической последовательностью, которая возникает, когда два взаимоисключающих требования пытаются существовать в одном пространстве.

Она въехала во двор.

И не в фонтан.

А потом осознала, что фонтан мешает второму условию, и попыталась его объехать. Справа. Слева. Через тень. Сверху — на всякий случай.

Одновременно.

Дальше всё произошло в темпе, который мог бы оценить только хороший режиссёр комедии или очень плохой архитектор.

Теневые лошади раздвоились.

Карета подпрыгнула.

Терренс впервые за всё время произнёс нечто, чего я от него определённо не ожидала, — коротко, чётко и совершенно не аристократически.

Я завизжала.

Мраморный дворец оказался неприятно близко.

Фонтан — ещё ближе.

А потом мир стал водой, холодным камнем, каменным ор-

лом и торжественной тишиной нескольких десятков людей, которые только что стали свидетелями чего-то, для чего в протоколах не существовало подходящего раздела.

И вот теперь я сидела здесь.

Мокрая.

Официально признанная. Родовой магией Рупертов. В присутствии стражи, придворных, двух святых рыцарей, садовника в обмороке и наследного принца, который хохотал, опершись о колонну.

Где-то очень глубоко внутри меня бывшая авторша этой истории тихо и методично стучалась головой о воображаемую стену.

Потому что я наконец поняла одну очень простую вещь.

Я не просто попала в сюжет.

Я его переписывала.

Без черновика. Без редактора. Без кнопки «отменить».

И мир это уже заметил.

Статуя — тоже.

* * *

Как я докатилась до жизни такой?

Хотите узнать?

Очень жаль.

Я всё равно расскажу. Потому что человек, сидящий по пояс в императорском фонтане, имеет полное моральное право на монолог.

Глава 2. Человек, которого нет

Выбираться из фонтана достойно — это отдельное искусство. И, конечно же, оно мне было не знакомо.

Более того, подозреваю, что в высшем свете Аэтериса этому не обучали даже в самых дорогих пансионах и академиях. Там, конечно, могли быть уроки реверанса, игры на клавесине, вышивания гербовых лилий и пассивно-агрессивной беседы за чаем, но предмета «Как покинуть императорский фонтан после публичного магического унижения» в расписании, скорее всего, не было.

А зря. Мне бы такое точно пригодилось.

Процесс выглядел следующим образом: правая рука держалась за орла, левая — за край, одна нога — туда, другая — обратно; юбка — самый главный враг всей моей жизни, и прошлой, и этой; вода — персональный противник с личными мотивами и, судя по всему, давней обидой. Несколько раз я почти вставала. Несколько раз снова плюхалась. Один раз моя юбка издала звук, который можно было бы записать как «мокрое отчаяние», — если бы кто-то занимался акустической документацией аристократических катастроф.

Судя по лицам придворных, в данный момент этим занимались все присутствующие.

На третий раз стража переглянулась, и двое двинулись вперёд с явным намерением помочь. Один был в парадном

доспехе. Второй, кажется, всю жизнь мечтал совершить героический поступок, но не предполагал, что этот поступок будет включать извлечение аристократки из фонтана за локоть.

Оба остановились у края и замерли.

Потому что подать руку даме, которая сидит по пояс в воде, держится за имперского орла и смотрит на окружающих с выражением лица «если кто-нибудь сейчас скажет хоть слово, я стану легендой уже по совершенно другой причине», — задача не для слабых духом.

— Не надо, — сказал Терренс.

Голос был такой, что оба стражника остановились, как будто он произнёс не слова, а команду «замри» на магически закреплённом языке.

— Сама, — добавил он, глядя на меня.

Это было одновременно оскорблением, инструкцией и кратким изложением его отношения к моей личности за последние десять минут.

Я встала сама. Юбка потянула вниз. Я же, в свою очередь, потянула её вверх. Мы поспорили несколько секунд с переменным успехом. Юбка явно считала, что, раз уж мы попали в фонтан, то должны остаться там до конца сезона — до первого снега, до следующего правления, до смены династии. Я придерживалась иной точки зрения.

В итоге победила я. Ну, это было чисто технически.

Выбралась из фонтана абсолютно мокрая, без одной

туфли, с волосами, которые сделали что-то абсолютно неопишваемое в процессе контакта с водой.

Моё отражение в воде посмотрело на меня снизу вверх. Я посмотрела на него сверху вниз.

«Авторская ошибка» выглядела убедительно.

С другой стороны фонтана один из придворных попытался сделать вид, что он не смотрит. Честно сказать, получалось у него очень плохо.

Он смотрел всем лицом — включая уши.

— Стой, — скомандовал Терренс.

Я замерла.

Он подошёл и остановился рядом. Вода по-прежнему стекала с него — аккуратно, будто даже она понимала, что у Терренса Руперта должна быть хорошая осанка при любых обстоятельствах. Если с меня вода стекала как с человека, то с него она стекала как с памятника, временно оказавшегося в неприятном климате и намеренного при первой возможности этому климату высказать.

Смотрел он не на меня. На карету. На лошадей. На герб с двумя тенями.

Потом произнёс очень тихо, только для меня:

— Улыбнись.

Я моргнула.

— Что?

— Улыбнись. Сейчас. Спокойно. Как будто ты знала, что так и будет.

Я посмотрела на него с искренним изумлением.

— Ты хочешь, чтобы я улыбнулась? Стоя у фонтана? Мокрая? Без туфли?

— Да.

— Терренс, я потеряла туфлю.

— Улыбнись, Кени.

— Это не решит проблему туфли.

— Зато решит проблему зрителей.

Это был не приказ и не угроза, скорее инструкция по выживанию, упакованная в одно слово.

Я улыбнулась.

Думаю, зрители, глядя на это подобие улыбки, решили, что я только что магическим образом нашла в фонтане что-то кислое и незаметно это умяла, пытаясь при этом улыбнуться.

Терренс, приняв неизбежное как личный проект, повернулся к принцу.

— Ваше высочество. — Голос ровный. Никаких следов фонтана. Никаких следов унижения. Никаких следов того, что пять минут назад он был частью водной архитектурной композиции. — Приносим свои извинения за неожиданный характер нашего появления.

Александр, который уже почти взял себя в руки, снова потерял часть своих манер при виде нашего совместного вида.

Он кашлянул в перчатку.

— Нет-нет. Это это было — Пауза, наполненная героиче-

ской борьбой с собственным лицом. — Примечательно.

— Родовая магия отреагировала на непредвиденные обстоятельства, — произнёс Терренс.

Тоном, не допускающим уточняющих вопросов о природе этих обстоятельств. Или их причинах. Или о том, кто именно сказал: «Только бы не в него».

— Это, безусловно, объясняет, — согласился Александр с серьёзностью, которая давалась ему явно титаническими усилиями и, возможно, специальными упражнениями.

— Моя сестра нуждается в комнате и смене платья.

— Конечно. — Принц взмахнул рукой, и трое слуг немедленно пришли в движение. — Ввиду особых обстоятельств прибытия — с удовольствием.

«Особые обстоятельства прибытия» — это, конечно, звучало лучше, чем «два Руперта въехали в фонтан под крики мраморного императора».

Дворцовый этикет был прекрасен тем, что мог завернуть любой кошмар в кружевную салфетку. Хоть мокрую, хоть сухую, хоть слегка покусанную каменным орлом.

Я с достоинством сняла вторую туфлю — ту, что ещё оставалась, — потому что ходить в одной туфле ещё хуже, чем в полностью мокрых чулках, и взяла её в руку.

С туфли капало. С меня капало. Государственная репутация дома Руперт, по моим ощущениям, тоже капала — тихо, методично.

Не понимаю как, но, глядя на Терренса, можно было поду-

мать, что всё произошедшее — это тщательно продуманный дипломатический ход. Судя по всему, дипломатия в Аэтерисе требовала исключительных нервов.

— Благодарю, — сказала я принцу.

Александр посмотрел на туфлю у меня в руке. Потом на меня. Потом снова на туфлю — каталогизируя произошедшее для внутренних нужд. В его глазах что-то блеснуло.

— Леди Кени Руперт. — Он чуть склонил голову. — Ваш приезд запомнится.

— Я старалась.

Терренс тихо произнёс в мою сторону — ровно так, чтобы слышала только я:

— Я тебя убью.

— После смены платья, — попросила я. — Пожалуйста.

— Посмотрим.

Я решила считать это дипломатической победой, потому что это был не отказ.

Комнату нам выделили быстро — небольшую, явно гостевую, с видом на внутренний двор. Слуги принесли горячую воду, полотенца и что-то из запасов дворцового гардероба: тёмно-синее платье чуть не того размера, но с такими же серебряными деталями, которые, судя по всему, дворец считал универсальным решением для любых Рупертов.

Видимо, где-то в гардеробной существовал принцип: если человек из дома Тени — дайте ему что-нибудь тёмное, добавьте серебра и пусть не жалуется. И молчит. Желательно

чтобы делал он это с достоинством.

Ну, я и не жаловалась. Я была слишком занята тем, чтобы не оставить лужу на ковре.

Злата, которая каким-то непостижимым образом успела добраться до дворца раньше, чем мы добрались до сухого состояния, появилась в дверях морально готовая к чему-то подобному.

— Миледи.

— Злата.

— Вы в порядке?

— Если говорить о физическом состоянии, то относительно. Ну а морально — нет. А про репутационное состояние я вообще молчу, это уже скорее философский вопрос.

Злата посмотрела на моё платье. Потом на мои волосы. Потом на туфлю в моей руке. Потом снова на платье — как будто надеялась, что ситуация изменится, если смотреть достаточно долго.

Как бы ни было прискорбно об этом говорить, но ситуация не изменилась.

— Я принесу полотенце.

— Лучше два. Одно для меня, второе — для чувства собственного достоинства. Оно тоже промокло.

— Да, миледи.

Решив взять на себя хотя бы одну вещь, поддающуюся контролю, она начала разбирать мои волосы. Судя по выражению лица, волосы организованно сопротивлялись.

Я сидела. Смотрела на своё отражение в небольшом зеркале у стены. И думала.

Точнее — не думала.

Потому что думать следовало о многом: о статуе, о карете, о двух тенях на гербе, о том, что сейчас происходит во дворе, о том, что скажет Моргана, о Беатрис, о Весте, о сюжете, который я уже основательно перепутала одним своим существованием, о том, что делать с Церковью, с проверкой, с дознавателями, которые умели задавать вопросы так, что хотелось ответить честно — включая признания, которых не совершал.

Вместо этого я делала то, чего не следовало делать. Я пыталась вспомнить.

Конкретно — как именно я писала магию Рупертов.

Статуя сказала:

«Двое наследников Тени. Закон нарушен. Род признал невозможное».

Что это значило? Почему она вообще заговорила? Что произойдёт дальше? Я написала этот мир — значит, должна была знать ответы. Значит, мне нужно было просто вспомнить главу про родовую магию дома Руперт.

Я начала вспоминать и сразу же поняла, что дело плохо.

Потому что глава про родовую магию Рупертов — если быть совсем честной с самой собой — существовала в двух экземплярах. Один — в черновике, где я её написала в три часа ночи под влиянием вдохновения и третьей кружки ко-

фе. Другой — в моей памяти, которая имела привычку запоминать настроение текста, а не детали.

Детали — это было для вечера. Для завтра. Для «потом разберусь».

Ну и, конечно же, по всем законам жанра потом не наступило.

Я мысленно открыла нужную страницу памяти и нашла ровно одно предложение:

«Родовая магия Тени — древняя, опасная и непостижимая».

Я застыла.

Злата осторожно потянула зубец гребня.

«Родовая магия Тени — древняя, опасная и непостижимая».

Это было написано там. Я точно помнила. Это была тема первого абзаца, введения, база для всего остального по дому Руперт — предложение, которое я написала, потому что оно звучало весомо, задавало атмосферу и на тот момент казалось абсолютно достаточным, чтобы потом дописать детали.

Пу-пу-пу-пу. Детали я не дописала. Прекрасно. Восхитительно.

Я создала древний магический род на основании трёх прилагательных и личной уверенности в том, что «потом» существует как временная категория.

Потом наступило. И, ко всему прочему, оно было мокрым, холодным и стояло в императорском дворе.

— Миледи? — тихо спросила Злата. — Вам больно?

Я открыла глаза.

— Нет. Просто меня ударило литературной ответственностью.

— Чем?

— Ничем. Продолжай.

Я вспоминала дальше с упорством, которое в других обстоятельствах могло бы считаться добродетелью.

Там точно было ещё что-то. Про кровь, наверное. Про Тень — с большой буквы, я это любила, большие буквы создавали ощущение значимости без необходимости её объяснять. Что-то про наследника. Про прямую линию. Про—

«Связь между Тенью и родом неразрывна и передаётся по единственному признанному наследнику дома».

Отлично. Хорошо.

Передаётся единственному признанному наследнику. Это я знала. Но то, что я видела — карета тянулась к нам обоим, лошади смотрели на нас обоих, да и статуя сказала «двое».

Так, думай дальше.

Я мучительно тянулась к следующей строке.

Что-то про ритуалы. Нет, не ритуалы. Про обязательства. Про Архив. Про—

«Тень не терпит раскола, но в исключительных обстоятельствах признаёт двух носителей, и тогда»

И тогда что? Что?

Я с нарастающим ужасом поняла, что предложение в моей

памяти обрывалось ровно на «и тогда».

Просто «и тогда» — как будто я написала завязку, поставила запятую и немедленно отвлеклась. Может быть, на чай. Может быть, на мессенджер. Может быть, на видео с котиками, которые с завидной регулярностью вмешивались в мой литературный процесс в самые ответственные моменты.

Злата заплетала мне волосы. За стеной слышались голоса — дворцовые, деловые, озабоченные чужими делами.

А я сидела, смотрела в собственное отражение и видела в нём человека, которому только что сообщили, что страховка не покрывает этот вид происшествий.

Я написала магию Рупертов на основании трёх прилагательных. Никакой механики. Никаких последствий. Никаких правил, кроме атмосферы.

Просто древняя, опасная и непостижимая — и дальше читатель додумай сам, потому что автор в три ночи решил, что атмосферы достаточно для будущих пяти томов и кучи спин-оффов.

Я закрыла лицо рукой.

Спасибо, прошлая я. Ты мне очень помогла.

«Непостижимая» — это прекрасное слово для читателя. Читатель берёт «непостижимую» и идёт дальше, довольный. Но я — я теперь внутри этой непостижимой. Стою в её эпицентре, мокрая от последствий. И она говорит мне «и тогда» — и замолкает с чувством собственного достоинства.

— Миледи? — снова спросила Злата. — Вам точно не

больно?

— Нет. Просто думаю.

— О чём, если позволите?

— О последствиях собственной безответственности, — честно ответила я.

Злата помолчала секунду.

— Это о карете?

— Это о многом.

Терренс появился через двадцать минут.

За двадцать минут он тоже успел переодеться — в запасной камзол, который, очевидно, существовал именно для подобных случаев, потому что у Рупертов предусмотрительность была встроена на уровне родовой памяти. Всё чёрное. Всё идеально. Никаких следов фонтана.

Выглядел он так, будто готов к официальному визиту, переговорам, государственному перевороту — что бы ни понадобилось. Только глаза выдавали произошедшее: они стали холоднее обычного. Градуса на три.

Если бы у Терренса был внутренний термометр раздражения, сейчас он показывал бы «вежливая катастрофа». Стрелка всё ещё держалась, но с титаническим усилием.

Злата немедленно исчезла. То есть не ушла, а именно исчезла. В одну секунду была в комнате, в следующую её уже не было. Я подозревала, что у хороших служанок дворянских домов есть тайный курс «Как растворяться в воздухе, когда господа собираются говорить о семейном позоре». Злата,

очевидно, его окончила с отличием.

Я встала. Кивнула.

Терренс смотрел на меня.

— Ты помнишь, — начал он без предисловий, — что именно произошло с каретой?

Я подумала секунду. Про детали фонтана — всё понятно. Но он спрашивал про магию. Про «почему».

— Карета услышала два голоса, — сказала я осторожно. — Оба восприняла как законные.

— Да.

— Это потому, что Тень признала нас обоих наследниками. Полагаю, это было неизбежно — рано или поздно.

— Рано или поздно, — повторил он, фиксируя показания.

— Лучше бы поздно.

— Определённо.

Он подошёл к окну. Встал. Смотрел на двор внизу — там всё ещё была суета: стражники что-то обсуждали, слуги торопились, и несколько придворных стояли вблизи фонтана, явно продолжая переваривать произошедшее.

Карету уже убрали. Или, точнее, теневые лошади сами отошли к стене, когда Терренс им приказал, и стояли там теперь, готовые нести последствия с достоинством.

Одна из них повернула голову к фонтану.

Я не знала, способны ли теневые лошади испытывать стыд, но эта определённо выглядела как кто-то, кто только что испортил официальный визит и теперь переосмысливает

свою роль в жизни.

— Ты слышала, что сказала статуя, — произнёс Терренс.

— Слышала.

— Что думаешь?

Я открыла рот. Потом закрыла.

Потому что то, что я думала, звучало так: «Думаю, что написала магию Рупертов без нормальной механики и теперь нахожусь внутри последствий собственной литературной небрежности».

Это был ответ, который не подходил для любого формата общения с Терренсом Руперт.

Поэтому я выбрала частичную правду.

— Думаю, что это привлечёт внимание, — сказала я.

— Уже привлекло.

— Двух святых рыцарей?

— В том числе. — Терренс повернулся от окна. — Они обязаны сообщить в Церковь. Это не их выбор — это протокол, который обязывает. Проявление родовой магии с незарегистрированным носителем, пророчество мраморной реликвии — всё это подлежит докладу.

Я медленно опустилась обратно на стул.

— Церковь.

— Да.

— Значит, будет проверка.

— Скорее всего.

Церковь Солара. Церковная структура с полномочиями,

которые в Атэрисе соперничали с имперскими по степени реальной власти. Инквизиторы. Рыцари-дознаватели. Архиепископы, умевшие задавать вопросы так, что на них хотелось отвечать — честно, полностью, включая то, о чём не просили.

Это меня устраивало примерно так же, как фонтан. То есть никак.

— Как скоро?

— Зависит от формулировки донесения и от того, кто из церковных сочтёт это своим делом. Может — несколько дней. Может — неделя.

Неделя. Это звучало почти щедро.

Неделя — это много, если нужно выбрать платье. Неделя — это ничто, если нужно подготовиться к церковной проверке, объяснить несоответствие души и тела, не выдать, что ты автор этого мира, и вспомнить магическую систему, написанную на уровне «оно древнее, прошу не тревожить».

— Мать знает? — спросила я.

— Уже.

— Как отреагировала?

Терренс молчал, выбирая слова с той же тщательностью, с которой другие выбирают оружие.

— Так, как Моргана Руперт реагирует на всё, что создаёт угрозу фамилии.

— То есть?

— Методично. — Он чуть приподнял угол рта — не улыб-

ка, но что-то в направлении неё. — Первое, что она сделала, — отправила три письма. Второе — велела переписать план нашего пребывания во дворце. Третье — спросила, почему садовник до сих пор в обмороке и никто не подобрал его ножницы.

Я почти засмеялась.

— Ножницы — это важно.

— В её понимании беспорядок опаснее скандала.

Это было так точно, так безупречно по-моргановски, что я почувствовала странную, совершенно неуместную нежность.

Я написала этого человека. Её приоритеты. Её способ управлять кризисом через детали. Её убеждение, что хаос начинается с вещей, оставленных не на месте.

А теперь она существовала. И отправляла письма. И поднимала ножницы.

— Терренс, — сказала я.

Он посмотрел.

— Я хочу, чтобы ты знал: я не специально.

Долгая пауза.

— Знаю.

— Голос просто вырвался. Я не думала, что карета—

— Кени.

Я замолчала.

— Я знаю, что не специально. — Он сказал это так же, как говорил всё остальное: ровно, без интонации, как факт. —

Это не меняет последствий. Но я знаю.

Пауза.

— Это было самое странное «ты не виновата», которое я слышала.

— Я не говорил «ты не виновата». Я сказал «не специально».

— Разница важна?

— В нашей семье — всегда.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

За окном продолжал суетиться дворцовый двор.

— Мать хочет нас видеть, — сказал он наконец. — Через час. К тому времени нужно быть в порядке.

Он повернулся к двери.

— И, Кени.

— Да?

— Про «только бы не в него» — больше никогда.

Я сглотнула.

— Договорились.

— И туфли больше не теряй.

— Я не теряла. Я их лишилась по независящим от меня обстоятельствам.

— Разница?

— В намерении.

— В нашей семье последствия важнее намерений.

Он вышел.

Злата вернулась через минуту после его ухода. Додела-

ла причёску. Поправила платье. Выдала запасные туфли — чуть велики, но это было наименьшей из проблем. Не последней, но наименьшей.

Пока она застёгивала крошечные пуговицы на рукавах, я снова думала. Снова — про магию.

Церковь будет спрашивать. Дознаватели будут спрашивать. И мне надо будет что-то отвечать. Не «я не знаю, потому что написала это в три ночи», а что-то реальное, убедительное, совпадающее с тем, как эта магия вела себя на практике.

Что я знала точно: карета слушалась двух голосов. Статуя говорила о двух наследниках Тени. Тень — с большой буквы — это не просто термин. Лошади из теней. Архив из теней. Башня — Теневой Архив. Тень — везде.

Древняя, опасная и непостижимая.

Я тихо застонала.

Злата посмотрела на меня с беспокойством.

— Миледи?

— Всё хорошо. Просто осмысливаю жизненные решения.

— Вашего дня или в целом?

— Одного конкретного рабочего момента из прошлого.

— Понимаю, — она явно ничего не понимала, но решила соврать из вежливости. Это тоже было своего рода искусством.

Моргану я нашла там, где и ожидала: не в выделенных нам комнатах, а в одном из малых залов для переговоров, который она за промежуток времени, пока остальные отмокали,

успела занять, расставить по нему бумаги и превратить во временный штаб.

На столе лежали письма. Одно с сургучной печатью, готовое к отправке. Рядом — список имён, написанный её рукой, чётким, стремительным почерком. Напротив каждого имени — краткие пометки.

У одного: «ненадёжен, но болтлив». У другого: «верит слухам,лезен». У третьего: «не приглашать».

Я невольно посочувствовала третьему. Человек, которого Моргана Руперт решила не приглашать, вероятно, обладал редким даром раздражать даже мрамор.

Терренс стоял у стены.

Я вошла. Присела в реверансе — на этот раз заметно лучше: туфли были менее скользкие, корсет я уже изучила как противника и составила план сосуществования.

— Садитесь, — сказала Моргана.

Я села.

Она подняла взгляд. Для того чтобы оценить собственную дочь, быстро, точно, как оценивают местность перед переходом.

— Не пострадала?

— Нет, матушка.

— Хорошо.

Она взяла одно из писем, посмотрела на него, отложила.

— Церковь будет уведоmlена к вечеру. Официальная проверка, которая заявится к нам, — вопрос нескольких дней.

Поэтому нам нужна единая позиция.

— Позиция?

— Объяснение. То, что мы сообщаем дознавателям. — Она посмотрела сначала на Терренса, потом на меня. — Всё, что скажут Руперты, должно совпадать.

Терренс кивнул. И я последовала его примеру.

— Кени признана родовой магией, — произнесла Моргана. — Это факт, который нельзя скрыть. Значит, его нужно контролировать.

— Как?

— Не как угрозу. Как обстоятельство. — Она сложила руки. — Ты — дочь Рупертов. Ты существуешь и, судя по всему, стала сильна, как Терренс. Тень это подтвердила. Объяснений, почему это произошло именно сейчас, при свидетелях, у нас нет. Говорить об этом будет Терренс.

Он чуть наклонил голову.

— Скажу, что магия активировалась из-за возвращения наследницы в столицу. Это неточно, но неопровержимо.

— Верно. — Моргана повернулась ко мне. — Кени.

Прямой, сверлящий взгляд упёрся в меня.

— Ты молчишь. Отвечаешь коротко. Ничего не добавляешь сверх спрошенного. Церковь ищет ересь, не подробности. Не давай им подробностей.

— Поняла.

— Ещё раз.

— Молчу. Коротко. Без лишнего. Поняла, матушка.

Она изучала меня пару секунд, но и это уже было на порядок дольше обычного.

— Ты боишься? — спросила вдруг.

Я ответила честно:

— Немного.

— Хорошо, — сказала она. — Бояться правильно. Это означает, что понимаешь масштаб. — Пауза. — Плохо — когда либо не боятся, либо боятся слишком сильно. Первые глупы. Вторые очень быстро ломаются.

Уже стало привычно, что она не утешала, она констатировала и оперировала фактами, как мечами.

Я почти её любила за это. За то, что не обещала, что всё будет хорошо, а просто давала инструменты.

— Сегодня вечером — официальный приём. Нас ждут. Отказаться нельзя: это будет расценено как признание слабости после инцидента. Поэтому придёте оба. Первое появление должно говорить: Руперты в порядке. Инцидент был незначительной случайностью.

Я подумала о садовнике в обмороке. О святом рыцаре, шептавшем «Боги». О наследном принце, хохотавшем так, что второй рыцарь схватился за меч.

— Думаешь, поверят?

— Это не имеет значения, — продолжила Моргана абсолютно спокойным голосом. — Важно то, что мы так говорим. Уверенно и единым голосом.

Терренс у стены смотрел вперёд.

«Единым голосом» — это была формула этого дома. Их семейная тактика. Два человека, которые могут не любить, не понимать, не доверять друг другу полностью, — но перед внешним миром они всегда будут единым голосом.

А теперь я была частью этого голоса. Третьей.

— Поняла, — сказала я.

Моргана взяла перо. Всё необходимое было сказано — тратить время на прощания было неэффективно, поэтому именно этим жестом она провела черту.

Аудиенция закончилась.

* * *

В коридоре я остановилась.

Терренс всё это время молча шёл рядом со мной. Без видимых следов фонтана, статуи, надвигающейся проверки и сестры, свалившейся ему на голову из ниоткуда.

— Терренс.

— Что?

— Расскажи мне про Тень. Про то, как она работает.

Пауза.

Он посмотрел боковым взглядом.

— Зачем?

— Хочу понять, чего ожидать от проверки.

— Ты должна это знать.

— Ты сам сказал: приступ повлиял. — Я говорила осторожно, будто ходила по тонкому льду. — Некоторые вещи мутные. Лучше проверить, что говорим одинаково.

Он остановился и пристально смотрел на меня, как на улику, которую срочно необходимо изучить.

— Хорошо, — сказал он наконец.

И это «хорошо» стоило много. Потому что Терренс Руперт не говорил «хорошо» просто так. Сейчас это могло означать, что он принял решение мне доверять. Но не прыгайте от радости: это не навсегда, а только на сейчас.

И пошёл дальше. Я — за ним.

И пока мы шли по дворцовому коридору — мокрые в прошлом, сухие в настоящем, с церковной проверкой в будущем, — я думала об одном.

Мне нужно было всё вспомнить. Каждую страницу. Каждую ночную правку. Каждое «напишу потом».

Потому что «непостижимая» — это прекрасное слово для черновика и ужасное для реальности, в которой я больше не была автором.

Мы с Терренсом приехали в столичную резиденцию Рупертов, и меня сразу отправили в покои, где Злата уже успела навести порядок. Из-за срочности и всего произошедшего я даже не смотрела по сторонам, а только себе под ноги.

Войдя в покои, первое, что бросилось в глаза, — это то, что на кровати лежало платье для приёма. На кресле — перчатки. На туалетном столике — ленты. На полу — мои мокрые туфли.

Если быть точной, то одна туфля. Не та. Вторая.

Вторая, по всей видимости, осталась в фонтане как доб-

ровольная жертва имперской архитектуре и чужим пророчествам.

— Туфлю нашли? — спросила я.

Злата замерла.

— Которую именно, миледи?

Я задумалась.

Страшно, когда за один день появляется необходимость уточнить, какую именно из потерянных туфель ты имеешь в виду.

— Ту, что осталась в фонтане.

— Её достали.

— И?

— Она пострадала.

— От воды?

— От орла.

Я посмотрела на неё.

— От орла?

— Застряла между крылом и мраморным венком. Дворцовый слуга пытался достать её палкой.

— И туфля не выжила?

— Нет, миледи.

Мы почтили её молчанием.

Недолгим. Я была всё-таки занята более серьёзными вещами. Хотя, если честно, обувь в этом мире стоила столько, что некоторые семьи могли бы начать с этого кровную месть и морально были бы правы.

Злата открыла шкаф.

— К вечеру вам нужно будет надеть это.

Я ожидала несколько дворцовых платьев на выбор. Вместо этого увидела гардероб. Полный.

Настоящий. Не «собрали что нашли», не «временное для гостыи». А полноценный гардероб девушки, которая жила, росла, носила платья, меняла вкусы, болела, поправлялась, ненавидела какие-то цвета и, судя по количеству тёмно-синего, была обречена принадлежать к дому Руперт даже на уровне ткани.

Я медленно встала.

— Злата.

— Да, миледи?

— Это моё?

Она посмотрела на меня осторожно. Так смотрят на человека, который задаёт вопрос, ответ на который очевиден для всех, кроме него.

— Конечно, миледи.

В шкафу висели платья. На полках — перчатки, ленты, шали, нижние юбки. В ящике — маленькие гребни с серебряными вставками. На внутренней стороне одной ленты вышита буква «К».

Кени. Не дворцовая замена. Мой гардероб. Точнее — её.

Девушки, которой не было в моей книге.

— А это откуда? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ваши вещи привезли утром, миледи. Часть — из родового особняка, часть была в дорожных сундуках.

— Моих дорожных сундуках.

— Да.

Я подошла ближе. Провела пальцами по рукаву одного из платьев. Ткань — настоящая, тяжёлая, дорогая, с чуть потёртым краем у манжеты. Ношенная. Живая.

Внутри шкафа пахло лавандой, сухими травами и чем-то ещё — тонким, пыльным, почти детским.

Я выдвинула нижний ящик.

Там лежали письма. Перевязанные серебряной лентой. На верхнем — аккуратная надпись:

Кени. Не открывать до зимы.

Я застыла.

— Это тоже моё?

— Письма от госпожи Морганы, миледи. Она писала вам, когда вы были в поместье у лекарей.

Я знала официальную версию. Дочь Рупертов, которую редко показывали при дворе по причине болезни и слабого здоровья. Удобное объяснение для внезапно существующей девушки.

Но сейчас передо мной лежали не объяснения. Передо мной лежали следы жизни.

Письма. Вещи. Складки на платьях. Мелкие пятна на перчатках. Заколка с погнутым зубцом. История, которую кто-то прожил.

Или мир очень тщательно сделал вид.

Я вытасила письмо.

Злата резко вдохнула.

— Миледи, госпожа Моргана велела не утомлять вас воспоминаниями.

Фраза «не утомлять воспоминаниями» звучала как изысканная версия «не напоминайте ей, что она не знает собственной жизни».

— Я не утомлюсь, — сказала я. — Просто посмотрю.

Первое письмо было написано рукой Морганы. Чёткой. Сухой. Без лишних завитушек.

«Кени. Лекарь пишет, что ты снова отказываешься от прогулок. Это глупо. Свежий воздух не является врагом, даже если ты решила внести его в список личных противников. Терренс передал тебе книгу по истории Теневого Архива. Он утверждает, что ты просила именно её. Я сомневаюсь, что девочка твоего возраста способна находить удовольствие в описании архивных протоколов, но, если это правда, у тебя дурная наследственность. М.»

Я перечитала три раза.

Моргана писала Кени. Не мне. Не фикции.

Девочке, которая отказывалась от прогулок и просила книгу по истории Теневого Архива.

Я не знала эту девочку. И всё же у неё был характер. Упрямство. Станный вкус в чтении. И, возможно, дурная наследственность.

Я достала второе письмо.

Почерк другой. Ровный. Строгий.

Терренс.

«Кени. Ты просила объяснить разницу между наследованием Тени и управлением Тенью. Коротко: первое — право. Второе — навык. Не путай. Большинство трагедий в нашей семье начинались с людей, которые путали право с умением. Если снова попытаешься вызвать теневого ворона без надзора, я лично отберу у тебя свечи. Т.»

Я медленно опустила письмо.

— Я вызывала теневого ворона?

Злата осторожно кашлянула.

— Насколько я знаю, миледи, вы пытались.

— И?

— Он появился без головы.

Я уставилась на неё.

— Без головы?

— Но очень энергичный.

— Как ворон без головы может быть энергичным?

— Он носился по комнате.

— Чем видел?

— Этого никто так и не понял, миледи.

Я опустилась на край кровати.

Значит, моя несуществующая предшественница вызывала теневого ворона без головы. Просила книги по Теневому Архиву. Отказывалась от прогулок. И, вероятно, была имен-

но тем ребёнком, из-за которого слуги начинали день с молитвы.

Я не знала, смеяться мне или холодеть. Получилось что-то среднее.

— Злата.

— Да, миледи?

— Я в детстве была странной?

— Вы были очень одарённой, миледи.

— Это худший возможный ответ.

— Почему?

— Потому что так вежливо называют детей, которые пугают взрослых.

Злата опустила глаза.

— Иногда вы говорили очень жуткие вещи.

— Какие вещи?

— О тенях. О снах. О людях, которых не знали.

Мне стало не смешно.

— О каких людях?

Злата сжала пальцы на ткани платья.

— Вы однажды сказали, что рыжая девочка горит и всё равно встаёт.

Воздух в комнате стал плотнее.

Веста.

По спине медленно, но планомерно прошёл холодок.

Кени видела Весту? Или она ей снилась?

Пророчество? Отголосок моей книги? Мир, заранее гото-

вивший место для меня? Или тело, в которое я попала, было связано с историей сильнее, чем я могла представить?

— Когда это было?

— Вам было около двенадцати.

Двенадцать. Веста тогда ещё не должна была умирать. По сюжету — ещё не должна была.

Если только прежняя Кени видела не прошлое, а будущую смерть. Или начало книги. Моей книги. Которая для Весты была не книгой, а жизнью.

Я прикрыла глаза рукой.

Мало было фонтана. Теперь ещё предшественница с пророческими наклонностями. Мир явно решил не скупиться.

В голове шевельнулась неприятная мысль: а что, если я не просто заняла удобное место в сюжете? Что, если это место давно ждало меня?

— Покажи мне остальное.

— Остальное?

— Всё, что есть моё.

Следующие полчаса мы занимались тем, что любая нормальная шестнадцатилетняя аристократка назвала бы разбор вещей, а я — археологическими раскопками несуществующей биографии.

В письменном столе нашли тетради.

Учебные: история империи, родословные великих домов, основы придворного этикета. В тетради по этикету на полях было аккуратно написано:

«Если молчать достаточно долго, взрослые начинают говорить сами».

Я невольно зауважала прежнюю Кени. Она была не лишена ума.

В другой тетради — упражнения по каллиграфии.

Строка за строкой:

«Род Руперт служит Тени, но не принадлежит ей». «Тень помнит кровь». «Два голоса — не раскол, если корень один».

Я перечитала последнее.

— Злата, кто мне это диктовал?

— Не знаю, миледи. Возможно, наставник.

— Насколько я с ними ладила?

— Один уехал через три дня.

— Почему?

— Вы сказали, что его лекции пахнут варёной репой.

Я зажмурилась.

— Я была ужасным ребёнком.

— Вы были очень одарённой, миледи.

— Злата.

— Да, миледи. Иногда ужасным.

Я почти улыбнулась. Потом открыла следующую тетрадь, и улыбка моментально исчезла с лица.

Там были рисунки.

Не детские цветочки, не птицы, не лошади. Символы. Круги. Ломаные линии. Пятна, похожие на разломы. Тени, вытягивающиеся из-под дверей.

И на одной странице — силуэт башни, а под ним фраза: «Когда род признает невозможное, дверь откроется не там».

Пальцы стали холодными.

Не там — это где? Какая дверь? Архив? Разлом? Тело? Голова услужливо предложила десяток вариантов, и все были плохими.

— Это тоже моё?

Злата посмотрела на рисунок и побледнела.

— Я не видела эту тетрадь раньше.

Это было хуже всего.

Потому что, если Злата, знавшая мою жизнь лучше меня, не видела её, значит, прежняя Кени прятала её намеренно.

Я перевернула страницу.

Там был рисунок фонтана. Императорский фонтан. Орёл. Мраморный венок. В воде — две тени. Одна высокая, тонкая. Другая меньше, с распущенными волосами.

Я уставилась на страницу.

— Скажи мне, пожалуйста, что я часто рисовала фонтаны.

— Нет, миледи.

— Фаза фонтанов?

— Не припоминаю.

— Орлов?

— Тоже нет.

— Фаза мраморных императоров, которые орут пророчества?

Злата посмотрела на меня с ужасом.

— Что?

— Неважно.

Я аккуратно закрыла тетрадь. Сердце билось непоколебительно быстро, настолько, что казалось: не выдержит этого ритма и остановится. Если бы я сейчас была в своём теле из реальности, уверена, что схлопотала бы паническую атаку, но, судя по всему, тело Кени не страдало данным расстройством. Хоть что-то хорошее.

Значит, прежняя Кени знала. Или видела. Или кто-то вложил ей в руки рисунки будущего.

Я не могла даже списать это на себя как на автора, потому что такого я не писала. И вообще это не в моём стиле, мой мозг на такое точно не способен.

А фраза «не помню» в последнее время перестала звучать как успокоение. Она звучала как угроза.

— Миледи, — осторожно сказала Злата. — Может, стоит показать это госпоже Моргане?

Моргана задаст вопросы. Терренс задаст вопросы. Церковь задаст вопросы.

А у меня на большинство вопросов имелись ответы вроде «авторский черновик был неполным» и «кажется, моя прошлая версия тоже занималась пророческим самосаботажем».

— Пока нет.

— Миледи

— Я покажу. Но сначала мне нужно понять, что это.

— А если опасно?

Я посмотрела на рисунок фонтана.

— Злата, сегодня я въехала в императорский фонтан на магической карете, которую признала древняя родовая Тень, после чего мраморная статуя объявила, что закон нарушен. Опасность уже не спрашивает разрешения.

Она помолчала, после чего опустилась передо мной на колени и нежно, по-матерински, взяла меня за руку и, заглянув в глаза, произнесла:

— Это разумно.

— Нет. Это ужасно. Но звучит хорошо, поэтому оставим.

Я спрятала тетрадь под матрас. Потом передумала. Достала. Спрятала в ящик стола. Снова передумала. Взяла в руки.

Злата наблюдала. Любой, кто бы сейчас её видел, подумал бы, что она уже ждёт не дожждётся, когда покинет эти покои и ринется за успокаивающим зельем. Хотя зелье для горничной наверняка дорого, так что — за успокаивающей настоейкой.

— Я ищу место, куда спрятать тайную тетрадь с пророческими рисунками так, чтобы её не нашёл дом, состоящий из людей, у которых профессия — находить тайное.

— Это будет сложно.

— Капитан Очевидность, я заметила.

В итоге тетрадь легла под матрас — настолько очевидное место, что, возможно, становилось гениальным. Или просто

глупым. У меня сегодня был день, когда разница между гениальностью и глупостью зависела исключительно от осанки.

После этого Злата показала мне портреты.

Они висели в маленькой боковой комнате, почти скрытой между панелями. Внутри пахло пылью, воском и закрытыми воспоминаниями.

На стенах — несколько полотен.

Молодая Моргана. Всё такая же холодная, красивая, с глазами, в которых уже тогда было очень много расчёта. Терренс — мальчик лет десяти. Серьёзный до абсурда. Такой ребёнок, которому дарили деревянных солдатиков, а он расставлял их по уставу.

И я. То есть не я. Кени.

На первом портрете — девочка лет пяти. Русые волосы, тонкое лицо, большие глаза. Сидит на стуле слишком прямо для ребёнка. В руках держит куклу за ногу, будто не понимает, что с ней полагается делать.

На втором — лет десяти. Бледная. Слишком худая. Взгляд в сторону, не на художника. На губах выражение человека, у которого уже тогда были претензии к окружающей действительности.

На третьем — почти нынешняя я. Лет пятнадцати. Та же внешность. Только глаза — тише. Глубже, печальнее.

Портретная Кени смотрела мимо меня. Будто знала, что однажды я буду стоять здесь и пытаться понять, была ли она

настоящей.

— Когда написали этот?

— Прошлой осенью, миледи.

Прошлой осенью. Меньше года назад.

Художник видел её. Слуги видели её. Моргана писала ей.

Терренс предупреждал её о воронах без головы. Злата укладывала ей волосы.

Эта девочка была. А теперь её не было.

На маленьком столике под портретами стояла шкатулка.

Я открыла.

Засохший цветок. Серебряная пуговица. Маленький кусочек чёрного камня. Треснувший медальон и записка, которую я аккуратно развернула.

Почерк Кени.

«Если я забуду, это не значит, что этого не было».

Я медленно опустилась на стул.

Если я забуду.

Значит, знала, что забудет? Или боялась? Или это было не о ней?

Я читала снова и снова, пока буквы не начали расплываться.

Сегодня утром я думала, что главная проблема — оказаться в книге. Потом — что главная в изменении сюжета. Потом — что в родовой магии.

А теперь выяснилось, что у тела была жизнь. И эта жизнь, похоже, готовилась к тому, что я однажды её заберу.

Я резко встала.

— Нужно идти готовиться к приёму.

— Уже?

— Если продолжу думать, упаду в обморок. Или начну искать вторую тетрадь. А я не уверена, что переживу ещё одно «дверь откроется не там».

— Миледи

— Нет. Платье. Причёска. Нужно нарисовать лицо человека, у которого всё под контролем.

— Какое именно лицо?

— Не знаю. У Морганы позаимствуем.

— У госпожи Морганы это не лицо, миледи. Это состояние души.

— Тогда у Терренса.

— У лорда Терренса тоже.

— Прекрасно. Значит, я единственная в семье с обычным лицом, и именно поэтому у нас проблемы.

Злата впервые за весь день улыбнулась. Руперты, видимо, заразили всех сдержанностью.

Платье было красивым. Оно было баснословно дорогим и, судя по всему, ненавидело меня.

Оно не садилось там, где должно было, собиралось там, где не должно, и в целом вело себя как политический противник, внедрённый в гардероб с долгосрочными целями.

— Не дышите, миледи, — сказала Злата, затягивая шнуровку.

— Это долгосрочный совет?

— На время застёжки.

— Хорошо. Потому что у меня уже были опасения насчёт дворцовой моды.

В зеркало на меня смотрела девушка шестнадцати лет. Бледная. В тёмно-синем платье с серебром. Кени Линкс Руперт.

Наследница, которой не должно было быть. Девушка, у которой были письма, портреты, тетради, странные рисунки, пророческие фразы, безголовый ворон в биографии и огромный талант создавать проблемы заблаговременно.

Я подняла подбородок и улыбнулась ей. На этот раз лучше.

В дверь постучали.

Терренс вошёл и окинул меня уже привычным оценивающим взглядом.

— Приемлемо.

— Спасибо. Я тоже рада тебя видеть.

— Я не сказал, что рад.

— Я решила услышать это между строк.

— Там этого не было.

— Ты ужасно экономишь на добрых чувствах.

— В нашей семье это называется дисциплиной.

Он подошёл ближе. Заметил письма на столе. Потом — портретную комнату. Потом — шкатулку, которую я, конечно, не закрыла до конца.

Взгляд стал чуть уже.

— Ты смотрела вещи.

— Это мои вещи.

— Да. — Пауза. — Почему ты выглядишь так, будто вскрыла государственный архив?

— Потому что нашла кое-что.

Я взяла записку и протянула ему.

Он прочитал. Лицо не изменилось. Терренс Руперт мог читать объявление о конце света с выражением лица, как если бы принесли не тот сорт чая. Но пальцы на бумаге чуть напряглись.

— Где это было?

— В шкатулке под портретами.

— Помнишь, когда написала?

— Нет.

Пауза.

— Совсем?

— Совсем.

Он сложил записку.

— Не показывай Церкви.

— Моргане?

— Пока не знаю.

— Почему?

— Потому что, если покажу ей всё, она начнёт задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

— Она всё равно начнёт.

— Знаю. Но пусть хотя бы после приёма.

Он вернул мне записку.

— Что ещё?

Я молчала. Но он и без слов понял.

— Кени.

Я закрыла глаза. Потом открыла.

— Тетрадь. Рисунки. Фонтан.

Взгляд стал холодным.

— Покажи.

— После приёма.

— Сейчас.

— Если начнём смотреть тетрадь, не пойдём на приём.

— Возможно, так будет лучше.

— Моргана сказала, что отказ — признак слабости.

— Моргана не видела тетрадь.

— Вот именно.

Мы смотрели друг на друга.

Это был не спор. Это было столкновение двух стратегий выживания. Терренс хотел информацию. Я хотела время. И платье, не дававшее нормально дышать, поддерживало мою позицию.

— После приёма, — сказал он наконец.

— После приёма.

— Без глупостей.

— Я стараюсь.

— Ты сегодня въехала в фонтан.

— Не лучший пример. Но возражение принято.

Он повернулся к двери.

Я спрятала записку в рукав, и, конечно же, Терренс заметил. Бывает ли хоть что-то, что бы он не замечал? Я вот уже прихожу к выводу, что точно нет.

— Это плохое место.

— Зато драматичное.

— Кени.

— Хорошо.

Я переложила записку за корсет.

Он закрыл глаза на одну секунду.

— Ещё хуже.

— Зато Церковь туда не полезет без серьёзного скандала.

Терренс открыл глаза. Посмотрел на меня. И — совсем чуть-чуть — угол его рта дрогнул.

И снова демоверсия улыбки. Но в этой скупой на эмоции семье я и ей рада.

— Это, к сожалению, разумно.

Я почувствовала странную гордость. Когда Терренс Руперт признаёт, что твоя глупость разумна, это почти семейная награда.

Мы вышли в коридор вместе.

Моргана ждала у лестницы.

Посмотрела на меня. На Терренса. На мою осанку. На платье. На лицо.

— Достаточно, — сказала она.

В устах Морганы это было почти «прекрасно».

Мы сели в карету, и, к моему счастью, поместье было недалеко от Императорского квартала, поэтому уже через двадцать минут нас провожали по императорскому дворцу прямо в зал приёмов.

Впереди нас ждали придворные, шёпот, улыбки, Александр — возможно, всё ещё с героически сдерживаемым смехом, — святые рыцари, которые наверняка уже мысленно составляли донесение, и весь двор, готовый наблюдать, как Руперты делают вид, что въезд в фонтан был частью маршрута.

Я шла между Морганой и Терренсом. Единым голосом. Единым фасадом. Единой семейной катастрофой в трёх лицах.

Где-то в Церкви, возможно, прямо сейчас, святой рыцарь по имени, которого я не прописывала, садился писать донесение.

«Сего дня, первого июля, при въезде кареты дома Руперт»

Я очень надеялась, что у него было медленное перо. Ведь нам очень сильно нужно было время.

А у прежней Кени его не осталось совсем. Потому что где-то в моей комнате, под матрасом, лежала тетрадь девочки, которой не должно было быть.

Девочки, которая рисовала фонтан до того, как я в него въехала. Девочки, которая писала: «Если я забуду, это не значит, что этого не было».

Я сжала пальцы. Подняла подбородок. И улыбнулась.

На этот раз почти правильно.

Потому что, если уж я была авторской ошибкой, — то хотя бы должна была выглядеть как дорогая авторская ошибка из приличной семьи.

А это, как выяснилось, в доме Руперт было почти то же самое, что план.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.